

Научная статья

УДК 347.626

DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.91.111

Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов

Елена Александровна Усачева

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, Россия, Воронеж 394006, ул. 20-летия Октября, 95, usacheva_e@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6960-138X>

Аннотация

Специфика режима имущественных правоотношений супругов, фактически прекративших брачные отношения, признается и воплощается в правовых нормах многих европейских правопорядков. В российском же семейном законодательстве отсутствует понятие «фактическое прекращение брачных отношений»; остается за рамками правовотворческого внимания и правовое значение соответствующего факта для имущественных отношений супругов. Однако в тематической судебной практике за этим обстоятельством признается ряд существенных правовых последствий, до настоящего времени не получивших обобщения и осмысления в юридической доктрине. Основная цель настоящего исследования — на основе анализа судебной практики установить подлинное значение фактического распада семьи для имущественных отношений супругов, выявить его правовые последствия через систематизацию наиболее часто заявляемых требований и формулируемых правоприменительных позиций и оценить эти последствия на предмет их нуждаемости в законодательной систематизации. Установлено, что в судебной практике сформировано понятие о «фактическом прекращении брачных отношений» как полноценном факте-состоянии, влекущем за собой ряд правовых последствий, объединенных общим принципом: поскольку фактическое прекращение брачных отношений предполагает утрату лично-доверительных отношений и экономической общности супругов, постольку, по мнению судов, применительно к имущественным отношениям таких лиц данный факт имеет значение, эквивалентное значению факта прекращения брака. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений систематизированы и распределены

на две группы (выражающиеся в смещении границ действия законного режима супружеского имущества во времени; заключающиеся в переходе от презумпции совместного использования доходов, полученных от реализации или использования общей собственности, к презумпции их распределения). Обоснована целесообразность правотворческого осмысления результатов дискреционного творчества судов на предмет их соответствия социальным ожиданиям и морально-этическим требованиям общества, а также позиции и логике законодателя как в части признания за фактическим прекращением брачных отношений юридического значения в принципе, так и в части привязки к этому факту правовых последствий.

Ключевые слова

супруги; брачные отношения; фактическое прекращение; имущественные отношения; бремя доказывания, законный режим; имущество супругов; общая совместная собственность.

Для цитирования: Усачева Е.А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супругов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 91–111. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.4.91.111.

Research article

Legal Consequences of Marital Relationship Actual Termination for the Property Relationships of Spouses

Elena A. Usacheva

Central Branch, Russian State University of Justice, 95 Dvadsatiletia Oktyabria Str., Voronezh 394006, Russia, usacheva_e@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6960-138X>

Abstract

The specific of the regime of spouses property relations who have actually terminated marital relations is recognized and embodied in the legal norms of many European legal orders. In the Russian Family Code there is no concept of “actual termination of the marital relations”; the legal significance of the relevant fact for the property relations of spouses remains outside the scope of lawmaking attention. However, in juridical practice, this circumstance has a number of significant legal consequences that have not yet received generalization and understanding in the legal doctrine. The main goal of this study is, based on the analysis of judicial practice, to establish the real significance of the actual breakdown of the family for the property relations of the spouses, to identify its legal consequences through the systematization of the most frequently stated requirements and formulated law positions, and to assess these consequences in terms of their need for legislative systematization. It has been established that in the current jurisprudence the idea of “actual termination of marriage” as a full-fledged fact-state, entailing a number of legal consequences, united by the general principle is formed: in the opinion of the courts, with respect to the property relations of such persons, this fact has a meaning equivalent to that of the fact of termination of the marriage. The legal consequences of the actual termination of marital relations are

systematized and divided into two groups (expressed in the shift in the boundaries of the legal regime of marital property in time; in the transition from the presumption of joint use of income received from the sale or use of common property to the presumption of their distribution). It has been proved the expediency of law-making interpretation of the results of discretionary creativity of the courts for their compliance with social expectations and moral and ethical ideas of society, as well as the position and logic of the legislator, both in terms of recognizing the actual termination of marital relations of legal significance in principle, and in terms of linking to this fact to legal consequences.

Keywords

actual termination; marital relationship; property relations; spouses; burden of proof; legal regime; spouses' property; common joint property.

For citation: Usacheva E.A. (2022) Legal Consequences of Marital Relationship Actual Termination for Property Relationships of Spouses. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 4, pp. 91–111 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2022.4.91.111.

Введение. Постановка проблемы

Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ)¹, отметивший в 2020 году 25-летний юбилей, был и остается одним из самых устойчивых нормативных актов российского законодательства. Количество внесенных в него за этот период изменений (преимущественно косметического характера) не достигло и 50. С одной стороны, допустимо полагать, что подобный подход свидетельствует о стабильности семейно-правового регулирования. С другой, приходится признать, что за рамками внимания законодателя остаются не только выявляемые практикой проблемы применения отдельных норм тех или иных семейно-правовых институтов. Порой системного правового регулирования лишены целые группы складывающихся семейных отношений. Среди них — отношения супругов, брак которых в результате фактического распада семьи утратил социологические признаки, но при этом сохранил правовое значение.

В соответствии с официальной позицией российского законодателя временные рамки брачных отношений по-прежнему ограничены моментом государственной регистрации брака и моментом его прекращения, определяемым по правилам ст. 25 СК РФ. Ни понятие «фактическое прекращение брачных отношений», ни правовые последствия разлучения супругов до настоящего времени не нашли отражения в нормах СК РФ (за исключением ситуационной нормы п. 4 ст. 38 СК РФ). Между тем количество споров между лицами, находящимися в браке при фактической утрате семейных отношений, наглядно демонстрирует распространенность этого социального

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

явления, указывает на дифференциацию складывающихся между участниками такого союза отношений от классических брачных и на востребованность их специального правового регулирования.

Закономерно, что при отсутствии реакции законодателя на обозначившийся социальный запрос поставленная задача решается силами правоприменительной практики за счет расширительного толкования правовых норм и свободного применения судами дискреционных полномочий. При этом масштабы использования названных инструментов за последние десять лет достигли таких пределов, что позволили судебной практике сформировать самостоятельное понятие о фактическом прекращении брачных отношений как правовом явлении.

Не ставя перед собой колоссальную задачу формирования комплексного представления об институте фактического прекращения брачных отношений в целом, в рамках настоящего исследования мы лишь предпримем попытку на основе анализа судебной практики осознать значение соответствующего факта для имущественных отношений супругов, а также выявить его правовые последствия через систематизацию наиболее часто заявляемых требований и формулируемых правоприменительных позиций. Тем самым мы получим основания для ответа на два главных вопроса: является ли фактическое прекращение брачных отношений юридическим фактом, влекущим значимые правовые последствия для супружеских правоотношений, и нуждаются ли эти последствия и их связь с фактическим распадом семьи в законодательном признании и систематизации.

Эмпирическую базу работы составили акты судов Российской Федерации различных уровней, вынесенные ими при рассмотрении дел в первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанции, а также Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»² и другие акты судебного толкования и обобщения практики. Исследование основывается на диалектическом методе познания; при его проведении использованы общенаучные (обобщение и сравнение, логический и системный методы, метод комплексного анализа), а также специальные методы (техноико-юридический, формально-юридический, метод толкования правовых норм).

1. Регулирование имущественных отношений супругов, фактически прекративших брачные отношения, за рубежом

Необходимость изменения режима имущественных правоотношений супругов при прекращении фактических брачных отношений признает-

² Российская газета. 18.11.1998.

ся многими европейскими правовыми порядками. Так, Гражданское уложение Германии³, использующее модель отложенной общности для организации имущественных отношений супругов, устанавливает, что объем конечного имущества, принимаемого для расчета полученных в браке выгод, рассчитывается на момент прекращения режима имущественных отношений. При этом в ряде случаев супруги имеют право подачи иска о досрочном распределении нажитого в браке имущества и досрочного прекращения общности накопленных доходов. Среди его оснований указано, в том числе, и раздельное проживание супругов в течение не менее трех лет. При удовлетворении требования исчисления стоимости имущества применяется момент подачи иска о досрочном распределении, однако законный режим имущественных отношений сменяется режимом раздельности лишь после вступления в силу судебного решения (§1385, 1387, 1388). Кроме того, немецкое законодательство содержит дополнительные правила, регулирующие отношения раздельно проживающих супругов в вопросах средств на содержание (§1361), распределения предметов домашнего обихода (§1361a), использования супружеского жилья (§1361b).

Итальянская модель частичной общности супружеского имущества предусматривает два специфических правовых состояния супругов, брак которых не расторгнут — *la separazione personale* (личное разлучение) и *la separazione giudiziale* (юридическое разлучение). Личное разлучение (фактическое прекращение брачных отношений без расторжения брака) может быть принудительным или добровольным (ст. 150 Гражданского кодекса Италии⁴), связанным или не связанным с поведением одного из супругов (ст. 151) и применяется, когда совместная жизнь супругов невозможна или наносит ущерб интересам детей, а также в случае осуждения одного из супругов к отбыванию определенных видов уголовных наказаний (ст. 152) или отказа супруга от организации места жительства семьи (ст. 153). Принудительное личное разлучение производится в судебном порядке, добровольное подлежит судебному одобрению. При этом для прекращения состояния личного разлучения независимо от способа его установления достаточно прямого заявления супругов или их поведения, из которого явно следует воля возобновить семейные отношения (ст. 157).

Среди последствий личного разлучения ГК Италии называет: распределение опеки над детьми и обязанностей их содержания, определение порядка использования семейного жилья, взыскание алиментов в пользу не виновного в разлучении супруга. Кроме того, сепарация является основанием

³ Bürgerliches Gesetzbuch. Available at: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 29.05.2022)

⁴ Codice Civile. Available at: <https://www.gazzettaufficiale.it/anteprema/codici/codiceCivile> (дата обращения: 29.05.2022)

прекращения общности имущества наряду со смертью одного из супругов или разделом имущества в судебном порядке (ст. 225). Момент прекращения общности определяется днем вынесения решения суда либо днем согласования судом соглашения супругов о разлучении. Постановление о разлучении подлежит государственной регистрации.

Юридическое разлучение (*la separazione giudiziale*), не связанное с раздельным проживанием супругов, производится в судебном порядке в случае признания одного из супругов недееспособным, неразумного управления общим имуществом, а также если поведение одного из супругов и беспорядок в его финансовых делах угрожают интересам общества, семьи, другого супруга, либо не позволяют покрывать потребности семьи сообразно нуждам и положению ее членов (ст. 193). При этом режим раздельности применяется с обратной силой со дня выдвижения соответствующего требования перед судом.

Возможность изменения законного режима общности имущества раздельно проживающих супругов до расторжения ими брака предусматривает и французское законодательство. Так, в соответствии со ст. 1441 Гражданского кодекса Франции⁵ режим общности прекращается, в том числе в результате установления режима раздельного проживания супругов или ввиду установления раздельного режима их имущества. С этим моментом связываются все ключевые для имущественных правоотношений супругов последствия (определение состава имущества, последствия исполнения общих обязательств и распоряжения общим имуществом одним из супругов, права на компенсации и т.д.).

Французский режим раздельного имущества супругов являет собой аналог итальянского *la separazione giudiziale* и устанавливается в судебном порядке в случае отсутствия порядка в делах одного из супругов, ненадлежащего осуществления им управления или аморального поведения, создающих угрозу интересам другого супруга. Применяемый во Франции режим раздельности имеет срочный характер и прекращается, если требование о разделе не было предъявлено в течение трех месяцев и окончательное урегулирование не было осуществлено в течение года с момента начала раздела имущества (ст. 1444 ГК). С установлением режима связан полный переход от общности имущества супругов к его раздельности со дня предъявления соответствующего иска. Однако для взаимоотношений супругов (но не супругов и кредиторов) последствия прекращения общности могут быть перенесены на день прекращения совместного проживания или совместной деятельности (ст. 1442 ГК).

⁵ Code civil. Available at: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 29.05.2022)

Режим раздельного проживания, подобный *la separazione personale*, устанавливается в судебном порядке по тем же основаниям, что и расторжение брака (альтернативно — взаимное согласие, признание супругами наличия оснований прекращения отношений без указания соответствующих обстоятельств, окончательное ухудшение супружеских отношений, виновные действия) (ст. 229, 296 ГК Франции). Установление режима раздельного проживания, не прекращая брака, прекращает обязанность сожителства, влечет за собой переход к режиму раздельности имущества при сохранении наследственных супружеских прав и обязанностей касающихся содержания (ст. 299–304 ГК).

Возобновление совместного проживания при этом — процесс гораздо более формализованный, чем прекращение *la separazione personale* и осуществляется посредством подачи заявления о возобновлении совместного проживания, которое заносится на поля акта о регистрации брака, а также акта о рождении каждого из супругов. Такая же запись делается по инициативе нотариуса, составляющего акт о возобновлении супругами совместного проживания (ст. 1140 ГПК Франции⁶). Лишь при соблюдении этих условий возобновление совместного проживания имеет силу для третьих лиц. Интересно, что даже при возобновлении семейной жизни сохраняется режим раздельности имущества, если стороны не договорились об ином (ст. 304 ГК Франции).

Расторжение брака производится путем преобразования режима раздельного проживания супругов по истечении двух лет со дня разлучения, либо в любой момент по совместному заявлению супругов, если разлучение было произведено по взаимному согласию (ст. 306–307 ГК Франции). По отношению к третьим лицам установление режима раздельного проживания супругов считается состоявшимся единственно на основании предъявления выписки из соответствующего судебного постановления, содержащей его резолютивную часть, с приложенным к ней доказательством того, что оно подлежит исполнению (ст. 1148 ГПК Франции).

2. Анализ и оценка последствий фактического прекращения брачных отношений в отечественной юридической доктрине

Поскольку установление момента фактического прекращения брачных отношений в абсолютном большинстве случаев не заявляется как самостоятельное требование, а рассматривается как доказательственный факт по

⁶ Code de procédure civile. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGI-TEXT000006070716/> (дата обращения: 29.05.2022).

спорам, вытекающим из имущественных и неимущественных отношений супругов, постольку это явление не только не получило отражения в обзорах или позициях Пленума ВС РФ, но и оказалось лишено комплексного научного осмысления. В работах исследователей семейно-правовой доктрины о фактическом прекращении брачных отношений говорится обычно в контексте толкования нормы п. 4 ст. 38 СК РФ [Рабец А.М., 2016: 85–90]; [Рабец А.М., Бакаева М.К., 2016: 122–123]; [Громоздина М.В., 2017: 15–23]; [Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н., 2017: 113], выявления проблем применения положений ст. 35 СК РФ [Светличный А.Д., 2016: 24–27], оценки пределов судебного усмотрения при разрешении семейных споров [Тарусина Н.Н., 2019: 44]. Иные последствия этого факта крайне редко привлекают внимание исследователей [Записная Т.В., Загадаева С.Н., 2019: 121–125]; [Плеханова О.И., 2013: 135–137]; [Милицина Е.С., 2022: 202–203], а обнаружить в доктринальной литературе попытки их систематизации или оценки нам и вовсе не удалось.

Прежде чем приступить к разбору судебной практики в анализируемой сфере, необходимо сказать несколько слов о природе «фактического прекращения брачных отношений» как правового явления. В 2009 году Н.Н. Тарусина, затрагивая в монографическом исследовании проблематику «фактического развода», идентифицировала его как факт-состояние, имеющий значение для трех типов казусов: как основание иска об определении места жительства ребенка при раздельном проживании супругов, фактически брачную сущность утративших, или их соглашения по этому вопросу; в качестве признаваемого судом основательным мотива расторжения брака; как предпосылка для признания судом имущества, нажитого каждым из супругов в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них (п. 4 ст. 38 СК РФ) [Тарусина Н.Н., 2009: 605].

Интересно, что названный автор двояко оценивает разъяснения Пленума ВС СССР №9 от 28.11.1980⁷, которыми судам было разрешено признавать нажитое в период фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства имущество супругов их раздельной собственностью. Такой подход, отмечает Н.Н. Тарусина, противоречил установленному Кодексу законов о браке и семье (КоБС РСФСР) и кодексам других союзных республик «категорическому императиву» общности супружеского имущества. В то же время заимствование этой позиции на уровне СК РФ видится автору адекватным многовариантной семейно-правовой действительности

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 28.11.1980 № 9 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. М., 1995. С. 90.

и отражающим разумную степень государственного давления на супругов в вопросе расторжения брака [Тарусина Н.Н., 2009: 607].

Соглашаясь с Н.Н. Тарусиной в оценке правовой природы «фактического прекращения брачных отношений» как факта-состояния (с чем согласны не все исследователи [Ульбашев А.Х., 2018: 42]⁸), дополним это утверждение указанием на временные рамки его существования — с момента фактического прекращения брачных отношений до момента прекращения брака. В этот период отношения супругов утрачивают лично-доверительный характер, а их экономическая общность распадается. Как отмечает В.В. Измайлов, при прекращении фактических супружеских отношений супруги предполагают, что их брак фактически прекращен, однако в силу прямого указания закона (п. 1 ст. 25 СК РФ) брак, расторгаемый в суде, признается прекращенным с момента вступления решения суда в законную силу. Соответственно, на отношения между супругами в период фактического прекращения семейных отношений распространяется семейное законодательство (специальные правила о законном режиме имущества супругов, особом порядке совершения сделок по поводу совместной собственности, иные имущественные последствия), что может не соответствовать их интересам [Измайлов В.В., 2020: 173]; некоторые особенности правового режима имущества раздельно проживающих супругов отмечает также некоторые другие исследователи [Гордеюк Е. В., 2016: 140].

Данные обстоятельства определяют необходимость изменения подхода к правовому регулированию возникающих и имеющихся отношений лиц, связанных юридическим, но не социологическим браком. Отметим также, что за прошедшие годы перечень казусов, для которых момент фактического прекращения брачных отношений имеет правовое значение, существенно расширился, а процесс его формирования еще не достиг своего логического завершения.

В качестве факта-состояния фактическое прекращение брачных отношений входит в предмет доказывания по различным категориям споров (их предмет не исчерпывается требованиями, вытекающими из семейных отношений), однако особое значение он приобретает в делах о разделе общего имущества супругов. Включение факта прекращения брачных отношений в предмет доказывания означает, что простой ссылки на пояснения сторон при вынесении решения по делу недостаточно, требуется его установление по общим правилам доказывания⁹.

⁸ По мнению А.Х. Ульбашева, юридические факты-состояния не могут быть внешне объективированы и должны рассматриваться в качестве элемента правоспособности.

⁹ См., напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.09.2019 № 18-КГ19-94 // СПС КонсультантПлюс.

Систематизируя правовые последствия, признаваемые судебной практикой за фактическим прекращением брачных отношений применительно к имущественным правоотношениям супругов, распределим их на две группы.

3. Смещение временных границ действия презумпции общности имущества супругов как следствие фактического прекращения брачных отношений

Первая группа включает последствия, связанные с фактическим прекращением экономической общности супругов и объединенные идеей смещения временных рамок действия законного режима супружеского имущества. Несмотря на то, что п. 1 ст. 34 СК РФ при определении границ действия режима общей совместной собственности ограничивает его периодом существования брака как факта-состояния (с момента заключения до момента прекращения), установление момента фактического прекращения брачных отношений создает условия для смещения даты прекращения действия данного режима на более ранний срок. Иными словами, фактическое прекращение брачных отношений сужает временные рамки действия законного режима имущества супругов.

Имущество, нажитое супругами в период фактического прекращения брачных отношений при раздельном проживании, может быть признано собственностью каждого из них. Это правило установлено уже упомянутой выше нормой п. 4 ст. 38 СК РФ. Даже беглый ее анализ позволяет сделать вывод о ситуационном характере использованного законодателем метода регулирования. Однако к 2021 году из поля зрения правоприменителя практически исчезли слова «может признать». При установлении фактического прекращения брачных отношений норма применяется как императивная, а отказы в ее применении связаны лишь с недоказанностью необходимого факта. Более того, в толковании, предложенном судами, падение презумпции общности настолько фатально, что предполагает возникновение обязанности доказывания «семейного» происхождения денежных средств, за счет которых после распада брачных отношений приобретено имущество, и возложение ее на опровергающее требование о применении п. 4 ст. 38 СК РФ лицо.

Так, Верховный Суд Российской Федерации, разрешая разногласия судов нижестоящих инстанций о распределении бремени доказывания происхождения денежных средств, за счет которых бывшей супругой в период фактического прекращения брачных отношений была приобретена квартира, указал, что для отнесения имущества к личной собственности супругов необходимо установить дату фактического прекращения семейных отношений и факт единоличного приобретения имущества супругом после их пре-

кращения. Обязанность доказывания факта расходования на приобретение спорной квартиры совместных денежных средств лежит на бывшем супруге, поскольку именно он заявляет соответствующие требования¹⁰. Доводы, что квартира была приобретена спустя два месяца после прекращения брачных отношений, при этом значимых доходов или личных накоплений супруга не имела, суд счел недостаточно убедительными.

Хотя рассуждения членов ВС РФ не лишены логики, вызывает сомнение их соответствие содержанию п. 4 ст. 38 СК РФ. Поскольку указанная норма сформулирована как ситуационная и предполагает использование дискреционных полномочий суда, очевидно, что при ее применении в ущерб презумпции ст. 36 СК РФ суд должен учитывать все обстоятельства дела, в том числе не оставлять без внимания вопрос: за счет каких средств это имущество приобретено. Сомнения в том, что имущество было приобретено за счет средств одного из супругов, на наш взгляд, является препятствием к применению п. 4 ст. 38 СК РФ, поскольку являет собой акт несправедливости к другому супругу. Между тем именно поддержание справедливого баланса интересов в деле составляет цель использования ситуационного метода при регулировании рассматриваемых отношений.

Нормы СК в их буквальном значении не признают за фактическим прекращением брачных отношений как юридическим фактом силы, достаточной для безусловного отпадения презумпции общности имущества. Однако именно такое категоричное толкование п. 4 ст. 38 СК дал ВС РФ, освободив опровергающего презумпцию супруга от доказывания происхождения использованных при покупке квартиры денежных средств исключительно на основании подтверждения фактического прекращения брачных отношений. Такой подход постоянно воспроизводят нижестоящие суды. На неоправданное сужение судьями действия презумпции общности приобретенного в браке имущества за счет расширительного применения п. 4 ст. 38 СК и на необходимость корректировки позиции ВС РФ обращает внимание А.М. Рабец, исходя из целесообразности защиты не столько интересов каждого супруга, сколько семьи [Рабец А. М., 2016: 89].

Если обсуждать целесообразность отказа от дискреции суда при применении п. 4 ст. 38 СК и придания последней императивного характера, то лишь при одновременном возложении на супруга, заявляющего соответствующие требования, обязанности доказывания не только факта прекращения брачных отношений, но и факта использования личных средств для приобретения имущества. В этом случае норма может быть сформулирована следующим образом: «Суд признает имущество, приобретенное каждым из

¹⁰ См.: Определение Верховного Суда РФ от 18.05.2021 № 72-КГ21-1-К8 // СПС КонсультантПлюс.

супругов за счет его средств в период их раздельного проживания при прекращении семейных отношений, собственностью каждого из них». В действующей же редакции п. 4 ст. 38 оснований его применения исключительно исходя из доказанности фактического прекращения брачных отношений, на наш взгляд, не содержит.

Сужение временных рамок действия законного режима имущества супругов как следствие фактического прекращения брачных отношений выражается в изменении момента, на который определяется состав подлежащего разделу имущества. Данная позиция была сформулирована в Постановлении Пленума ВС РФ № 15 от 5.11.1998 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»¹¹: если после фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства супруги совместно имущество не приобретали, суд в соответствии с п. 4 ст. 38 может произвести раздел лишь того имущества, которое являлось их общей совместной собственностью ко времени прекращения ведения общего хозяйства. В практике нижестоящих судов этот вывод воспроизводится при рассмотрении требований о разделе денежных средств, находящихся на банковских счетах¹², ценных бумаг на инвестиционных счетах¹³, возведенных в период брака строений¹⁴ и т.д. При этом состав подлежащего разделу имущества (состояние банковского или инвестиционного счета, степень готовности объекта) определяется на момент фактического прекращения брачных отношений, а не на момент прекращения брака или рассмотрения дела.

В русле логики изложенной позиции суды предлагают использовать момент фактического прекращения брачных отношений и для определения стоимости общего имущества супругов. Так, в Информационном письме Свердловского областного суда «Об актуальных вопросах, возникающих при разрешении споров о разделе совместно нажитого в период брака имущества» отмечено, что когда между датами прекращения брачных отношений (расторжения брака) и разделом имущества прошел значительный промежуток времени, а стоимость общего имущества за этот период уменьшилась (например, вследствие повреждения автомобиля в дорожно-транспортном происшествии), то при разделе имущества, исходя из обстоятельств дела, следует учитывать рыночную стоимость имущества на момент фактическо-

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Российская газета. 18.11.1998.

¹² См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 22.11.2019 по делу № 33-49058/2019 // СПС КонсультантПлюс.

¹³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.07.2018 № 5-КГ18-179г // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ См.: Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 01.09.2016 по делу № 33-8668/2016 // СПС КонсультантПлюс.

го прекращения брачных отношений, излагая в решении соответствующие мотивы и оценку предъявленных суду доказательств¹⁵. Данную идею поддерживают и иные суды¹⁶. Следует отметить, что дата определения состава имущества переносится судами на день фактического прекращения брачных отношений императивно (исходя из расширительного толкования п. 4 ст. 38), а дата оценки стоимости имущества — ситуационно (в зависимости от наличия или отсутствия значимых изменений стоимости и их причин).

4. Отпадение презумпции взаимной добросовестности и совместного использования доходов и исполнения обязательств как следствие фактического прекращения брачных отношений

Вторая группа объединяет последствия фактического прекращения брачных отношений, связанные с утратой личных доверительных отношений между супругами и воплощающие в том или ином виде идею перехода от совместного использования доходов, полученных от реализации или использования общей собственности, к их распределению. Основная мысль может быть сформулирована следующим образом:

до даты фактического прекращения брачных отношений действует презумпция добросовестности супругов по отношению друг к другу, а все полученные от общего имущества выгоды считаются поступившими в семейный бюджет в общих экономических интересах;

после фактического прекращения брачных отношений каждый супруг приобретает самостоятельный экономический интерес. Основания для взаимного доверия и восприятия воли одного из супругов как общей воли утрачиваются. Таким образом, презумпция добросовестности супругов по отношению друг к другу прекращает действие, а реализация общего имущества одним из них рассматривается как основание возникновения у другого права на компенсацию причитающейся доли.

В качестве первого примера проанализируем, как трансформируются правила распределения бремени доказывания по делам, связанным с разделом

¹⁵ Информационное письмо Свердловского областного суда «Об актуальных вопросах, возникающих при разрешении споров о разделе совместно нажитого в период брака имущества» (утверждено президиумом Свердловского областного суда 27.12.2018) // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ См.: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.12.2019 по делу № 88-1114/2019 // СПС КонсультантПлюс; Апелляционное определение Московского городского суда от 30.11.2016 по делу № 33-43887/2016 // СПС КонсультантПлюс; Определение Московского городского суда от 24.07.2015 № 4г/7-7557/15 // СПС КонсультантПлюс; Апелляционное определение Московского областного суда от 02.02.2015 по делу № 33-2448/2015 // СПС КонсультантПлюс.

между супругами дохода от совершения сделок с общим имуществом в зависимости от соотношения момента совершения сделки и момента фактического прекращения брачных отношений. Из положений СК РФ и разъяснений Пленума ВС РФ следует, что владение, пользование и распоряжение общим имуществом по взаимному согласию супругов предполагается. Комплексное использование этой презумпции и общего правила ст. 56 ГПК РФ позволило судам сформировать единый подход к распределению бремени доказывания по спорам супругов о распределении дохода от совершения сделок с их общим имуществом: если один из супругов ссылается на отчуждение в период брака другим супругом общего имущества или его использование вопреки воле другого супруга и не в интересах семьи, то именно на него возлагается обязанность доказать данное обстоятельство. Если имущество реализовано в период брака и денежные средства от его продажи получены также в период брака, то именно на истца законом возложена обязанность доказать, что ответчик распорядился совместным имуществом в отсутствие согласия другого супруга и денежные средства потрачены им не в интересах семьи¹⁷.

Таким образом, при совершении сделки по распоряжению общим имуществом в период брака обязанность доказывания неполучения выгод от совершенной сделки по общему правилу лежит на заявляющем о данном факте супруге.

Однако стоит суду установить, что фактическое прекращение брачных отношений предшествовало совершению сделки с общим имуществом, как бремя доказывания перераспределяется и возлагается на ответчика (супруга, являвшегося стороной сделки). В судебных решениях отмечается, что нахождение в зарегистрированном браке не лишает одного из супругов права на получение причитающейся ему доли от реализации совместно нажитого имущества, особенно если к моменту соответствующей сделки фактически брачные отношения были прекращены. Обязанность предъявления достоверных и достаточных доказательств в подтверждение факта передачи причитающихся второму супругу денежных средств возлагается на супруга, распорядившегося имуществом¹⁸.

При доказанности факта получения денежных средств от продажи общей совместной собственности после фактического прекращения брачно-семейных отношений в отсутствие каких-либо объективных доказательств, подтверждающих, что частично вырученные от сделки денежные средства были

¹⁷ См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2021 по делу № 88-9332/2021 // СПС КонсультантПлюс; Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 19.12. 2017 по делу № 33-15170/2017 // СПС КонсультантПлюс; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 4-КГ17-22 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 02.11.2020 по делу № 2-2234/2020 // СПС КонсультантПлюс.

переданы второму супругу или потрачены совместно на нужды семьи, исковые требования о взыскании компенсации стоимости доли второго супруга подлежат удовлетворению¹⁹. От бремени доказывания передачи денежных средств супруга, являющегося стороной сделки, не освобождает даже нотариально удостоверенное согласие другого супруга на ее совершение²⁰. Более того, аналогичные правила применяются и в тех случаях, когда предметом спора выступает доход от использования общего имущества, а не его реализации (например, при сдаче общего имущества в аренду)²¹.

Обобщение изложенных позиций позволяет сделать следующий вывод: установление судом фактического прекращения брачно-семейных отношений рассматривается как основание для перераспределения между супругами обязанности доказывания передачи лицом, получившим доход от использования или реализации общего имущества, факта передачи другому супругу причитающейся ему доли. До фактического прекращения брачных отношений обязанность опровержения этого факта лежит на супруге, не являвшемся стороной сделки, после — обязанность его доказывания возлагается на супруга, непосредственно получившего доход.

Второе последствие фактического прекращения брачных отношений, включаемое в рассматриваемую группу, имеет значение при спорах супругов насчет отношений, возникающих в результате исполнения одним из них общего обязательства. Значение факта распада семьи для данной категории дел аналогично рассмотренному в предыдущем примере: утрата общности бюджета и экономического интереса, по мнению судов, предполагает возникновение у супруга, исполнившего общее обязательство после фактического прекращения брачных отношений, права на компенсацию в объеме выплаченных средств, соответствующем доле другого супруга. Спектр правовых оснований данного требования довольно разнообразен и включает, в частности, нормы о неосновательном обогащении²², об исполнении солидарной обязанности одним из должников (ст. 325 ГК РФ)²³, об общих обязательствах супругов (п. 3 ст. 39, ст. 45 СК РФ)²⁴. Обяза-

¹⁹ См.: Апелляционное определение Вологодского областного суда от 25.11.2016 № 33-6479/2016 // СПС КонсультантПлюс.

²⁰ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 24-КГ17-6 // СПС КонсультантПлюс.

²¹ См.: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2021 по делу № 88-15027/2021 // СПС КонсультантПлюс.

²² См.: Апелляционное определение Воронежского областного суда от 20.06.2017 по делу № 33-4739/2017 // СПС КонсультантПлюс.

²³ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 18.02.2020 по делу № 33-7517/2020 // СПС КонсультантПлюс.

²⁴ См.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2021 № 88-18482/2021 // СПС КонсультантПлюс; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.01.2020 по делу № 88-3247/2019 // СПС КонсультантПлюс.

занность доказывания факта выплаты компенсации или пропорционального участия в исполнении обязательства при этом возлагается на супруга-ответчика²⁵. Одновременно фактическое прекращение брачных отношений рассматривается судами как достаточное доказательство факта исполнения общего обязательства за счет собственных средств супруга-плательщика.

Анализ и систематизация требований, заявляемых сторонами споров со ссылкой на фактическое прекращение брачных отношений, свидетельствуют о тенденции к расширению их перечня. Так, например, Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, рассматривая дело о разделе совместно нажитого имущества по кассационной жалобе бывшего супруга, отметила, что в случае передачи одним из супругов другому денежных средств после фактического прекращения брачных отношений к их отношениям применяются нормы ГК РФ о неосновательном обогащении, а на супруга-выгодоприобретателя возлагается обязанность доказать наличие законных оснований приобретения спорных денежных средств либо предусмотренных ст. 1109 ГК РФ обстоятельств, в силу которых эти денежные средства не подлежат возврату²⁶. Встречаются и попытки (к счастью, пока безуспешные) придать моменту фактического прекращения брачных отношений юридическое значение, сопоставимое с прекращением брака, для целей наследования²⁷. Иногда в литературе находит поддержку идея отстранения пережившего супруга от наследования в случае фактического прекращения брачных отношений. Так, М.Н. Малахова утверждает, что сохранение за пережившим супругом права наследования нарушает права наследодателя а также других наследников по закону По ее мнению наследодатель либо переживший его супруг уже выразили волеизъявление на прекращение брака которое при соблюдении надлежащей правовой процедуры влечет за собой утрату семейно-правового статуса и права на наследство; см.: [Малахова М.Н., 2015: 287–288]. Встречаются в доктрине и еще более экстравагантные предложения. В частности, П.А. Якушев, доказывающий целесообразность придания правового значения внебрачному сожителю и размышляющий над составом могущих возникнуть последствий, допускает правовую защиту такого союза — даже если один из внебрачных сожителей состоит в зарегистрированном браке с другим лицом, но при этом фактические семейные отношения с супругом прекращены и общего хозяйства не ведется; см.: [Якушев П. А., 2019: 110].

²⁵ См.: Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 09.07.2019 по делу № 33-13386/2019 // СПС КонсультантПлюс.

²⁶ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2021 № 2-КГ21-2-КЗ // СПС КонсультантПлюс.

²⁷ См.: Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 25.09.2019 по делу № 33-13489/2019 // СПС КонсультантПлюс.

Заключение

К настоящему времени в судебной практике сформировано понятие о «фактическом прекращении брачных отношений» как полноценном фактесостоянии, влекущем за собой целый ряд правовых последствий. Предмет настоящего исследования составляли последствия данного факта исключительно для целей регулирования имущественных правоотношений супругов, а пределы анализа были ограничены правоприменительными позициями по соответствующим категориям споров. Обобщение этих позиций позволяет сформулировать объединяющий их принцип: поскольку фактическое прекращение брачных отношений предполагает утрату лично-доверительных отношений и экономической общности супругов, постольку, по мнению судов, применительно к имущественным отношениям таких лиц данный факт имеет значение, эквивалентное значению факта прекращения брака.

Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений, касающиеся имущественных правоотношений супругов, поддаются условному распределению на две группы.

Первая группа объединяет последствия, вытекающие из прекращения экономической общности супругов и выражающиеся в смещении границ действия законного режима супружеского имущества во времени. К ним относятся:

возможность оспаривания презумпции общности в отношении правового режима имущества, приобретенного после фактического прекращения брачных отношений (при этом ситуационная норма п. 4 ст. 38 СК РФ к настоящему моменту используется в правоприменительной практике как императивная);

императивный перенос на дату фактического прекращения брачных отношений момента, на который определяется состав имущества, подлежащего разделу (вместо момента прекращения брака), и ситуационный (применяемый в зависимости от обстоятельств дела) перенос на дату фактического прекращения брачных отношений момента, на который определяется стоимость имущества (взамен момента рассмотрения дела).

Вторая группа включает последствия, связанные с утратой супругами лично-доверительных отношений и приобретением каждым из них самостоятельного экономического интереса. Правовым результатом этих изменений является переход от презумпции совместного использования доходов, полученных от реализации или использования общей собственности, к презумпции их распределения. Получение одним из супругов выгод от имущества, подчиняющегося режиму общей совместной собственности, после фактического прекращения брачных отношений рассматривается как основание возникновения у другого супруга права на компенсацию причитающейся ему доли. К последствиям данной группы отнесем:

перераспределение между супругами бремени доказывания передачи лицом, получившим доход от использования или реализации общего имущества, факта передачи другому супругу причитающейся ему доли. До фактического прекращения брачных отношений обязанность опровержения этого факта лежит на супруге, не являвшемся стороной сделки, после — обязанность его доказывания возлагается на супруга, непосредственно получившего доход;

признание за супругом, исполнившим общее обязательство после фактического прекращения брачных отношений, права на компенсацию в объеме денежных средств, соответствующем доле другого супруга. При этом к отношениям супругов применяются, в том числе нормы гражданского законодательства об исполнении солидарной обязанности и о неосновательном обогащении. Исполнение обязательства за счет собственных средств супруга-плательщика презюмируется, а обязанность доказывания факта выплаты компенсации или пропорционального участия в исполнении обязательства возлагается на супруга-ответчика;

супруги, брачные отношения которых фактически прекращены, признаются автономными экономическими субъектами, не имеющими общего экономического интереса, в связи с чем при передаче одним из таких супругов другому денежных средств к их отношениям применяются нормы ГК РФ о неосновательном обогащении. А на супруга-выгодоприобретателя возлагается обязанность доказать наличие законных оснований для приобретения спорных денежных средств либо предусмотренных ст. 1109 ГК РФ обстоятельств, в силу которых эти денежные средства не подлежат возврату.

Изложенное не оставляет сомнений в обоснованности положительного ответа на первый из вопросов, поставленных в начале настоящей статьи: фактическое прекращение брачных отношений очевидно является юридическим фактом, влекущим значимые правовые последствия для супружеских правоотношений.

Относительно необходимости фиксации и систематизации данных правовых последствий в законодательстве отметим следующее. В рамках настоящей статьи не ставился вопрос о социально-экономической целесообразности и морально-нравственной обоснованности признания за фактическим прекращением брачных отношений специальных правовых последствий — отчасти по причине ограниченности предмета исследования, отчасти потому, что ответ на этот вопрос видится автору очевидным. Распространенность такого явления, как социологический распад брака при сохранении его правовой оболочки, и явственный социальный запрос на регулирование отношений участников этого союза как нельзя лучше иллюстрируют разнообразие заявляемых ими исковых требований.

Хотя специфика семейных отношений оправдывает широкое применение к ним ситуационного метода регулирования и судебного усмотрения, оче-

видно, что дискреционное творчество правоприменителя не должно быть безграничным и заменять нормы законодательства до степени, приводящей к утрате предсказуемости правового результата того или иного поведения участников правоотношений. О вероятности такой ситуации и ее опасности для стабильности правопорядка мы можем судить как исходя из тенденций работы судебной системы в целом, так и основываясь на фактах, выявленных в ходе настоящего исследования. Самостоятельное толкование судами единственной нормы п. 4 ст. 38 СК привело не только к необоснованному изменению ее методической окраски с ситуационной на императивную, но и к выработке за рамками семейного и процессуального законодательства целой системы «правил-невидимок», связывающих с установлением фактического прекращения брачных отношений кардинальное перераспределение доказательственного бремени. Поскольку же в имущественных спорах супругов доказывание по объективным причинам сплошь и рядом затруднено, презумпции и порядок распределения обязанности доказывания по данным категориям дел часто имеют ключевое значение для итогового решения, а потому они должны быть открытыми, ясными и понятными потребителям семейно-правовых норм.

В свете изложенного видится легкомысленным дальнейший отказ законодателя от выражения отношения к фактическому прекращению брачных отношений как к юридическому факту и полное делегирование права определения его последствий правоприменителю. Обильный материал судебной практики в данной сфере нуждается в скорейшем доктринальном и правотворческом осмыслении на предмет соответствия социальным ожиданиям и морально-этическим понятиям общества, а также позиции и логике законодателя как признания за фактическим прекращением брачных отношений юридического значения в принципе, так и привязки к этому факту правовых последствий.

Список источников

1. Гордеюк Е.В. Объекты правоотношений супругов, проживающих раздельно // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 137–141.
2. Громоздина М.В. Правовые нюансы раздела общего имущества супругов в судебном порядке // Юридические исследования. 2017. № 9. С. 14–23.
3. Записная Т.В., Загадаева С.Н. Раздел имущества после фактического прекращения семейных отношений / Российское государство и право: история и современность: сборник статей. Отв. ред. В.В. Низовцев, Н.М. Реброва. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет М.И. Платова, 2019. С. 121–125.
4. Измайлов В.В. Защита прав супругов, расторгающих брак: правовая природа, формы и средства: дис. ... к. ю. н. М., 2020. 250 с.

5. Малахова М.Н. Наследование пережившим супругом: проблемы правового регулирования / Актуальные проблемы юриспруденции в современной России: сборник статей. Под ред. Н.В. Иванцовой, Н.М. Швецова. Йошкар-Ола: Межрегиональный открытый социальный институт, 2015. С. 283–289.
6. Милицина Е.С. Особенности распределения бремени доказывания по спорам о разделе имущества супругов // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1. С. 202–203.
7. Плеханова О.И. Наследование пережившим супругом при фактическом прекращении брачных отношений // Глаголь правосудия. 2013. № 1. С. 135–137.
8. Рабец А.М. Презумпция общности имущества супругов, приобретенного в браке, пределы действия и тенденции правоприменительной практики // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 85 — 90.
9. Рабец А.М., Бакаева М.К. Действие правообразующей функции брака в нормах о законном режиме имущества супругов в Российской Федерации и в странах ближнего зарубежья // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 121–126.
10. Светличный А.Д. Предмет доказывания и доказательства по делам о признании недействительной сделки по распоряжению общим имуществом супругов (на примере транспортных средств) // Нотариус. 2016. N 7. С. 24–27.
11. Слепко Г.Е., Стражевич Ю.Н. Возникновение режима общей совместной собственности на имущество для супругов, один из которых является военнослужащим // Право в вооруженных силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 4. С. 111–115.
12. Тарусина Н.Н. Семейное право. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 615 с.
13. Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex Russica. 2019. № 5. С. 40–48.
14. Ульбашев А.Х. Брак в системе юридических фактов семейного права // Вестник Российской правовой академии. 2018. № 3. С. 37–44.
15. Якушев П.А. Фактические сожителства мужчин и женщин: проблемы институционализации в контексте традиционных ценностей // Государство и право. 2019. № 12. С. 104–112.

References

1. Gordeyuk E.V. (2016) Objects of legal relations of spouses living separately. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*=Bulletin of Economic Security, no. 4, pp. 137–141 (in Russ.)
2. Gromozdina M.V. (2017) Legal aspects of the division of common property of spouses in court. *Yuridicheskie issledovaniya*=Legal Studies, no. 9, pp. 14–23 (in Russ.)
3. Izmailov V.V. (2020) Protection of the rights of spouses dissolving a marriage: legal nature, forms and means. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 250 p. (in Russ.)
4. Malakhova M.N. (2015) Inheritance by a surviving spouse: legal regulation. In: *Issues of jurisprudence in modern Russia: a collection of articles*. N.V. Ivantsova, N.M. Shvetsov (eds.). Yoshkar-Ola: Interregional Open Social Institute, pp. 283–289 (in Russ.)
5. Miliitsina E.S. (2022) Features of the distribution of the burden of proof in disputes on the division of property of spouses. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*= Eurasian Law Journal, no. 1, pp. 202–203 (in Russ.)

6. Plekhanova O.I. (2013) Inheritance by the surviving spouse upon the actual termination of marital relations. *Glagol' pravosudiya*=Verb of Justice, no. 1, pp. 135–137 (in Russ.)
7. Rabets A.M. (2016) The presumption of the community of property of spouses acquired in marriage, the limits of action and trends in law enforcement. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo*=Bulletin of Omsk State University. Series: Law, no. 3, pp. 85–90 (in Russ.)
8. Rabets A.M., Bakaeva M.K. (2016) The effect of the law-forming function of marriage in regime of property of spouses in Russia and in neighboring countries. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*=Bulletin of the Omsk State University. Series: Law, no. 1, pp. 121–126 (in Russ.)
9. Slepko G.E., Strazhevich Y.N. (2017) The emergence of a regime of common property for spouses, one of whom is a military man. *Pravo v vooruzhennykh silakh*=Law in the Armed Forces, no. 4, pp. 111–115 (in Russ.)
10. Svetlichnyi A.D. (2016) The subject of proof and evidence in cases of invalidating a transaction on the disposal of the common property of the spouses (example of vehicles). *Notarius*=Notary, no. 7, pp. 24–27 (in Russ.)
11. Tarusina N.N. (2009) Family law: Essays on classics and modernity. Yaroslavl: University, 615 p. (in Russ.)
12. Tarusina N.N. (2019) Judicial practice in family matters: problems of discretion on the verge of lawmaking. *Lex Russica*, no. 5, pp. 40–48 (in Russ.)
13. Ul'bashev A. Kh. (2018) Marriage in the system of legal facts of family law. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*=Bulletin of the Russian Law Academy, no. 3, pp. 37–44 (in Russ.)
14. Yakushev P.A. (2019) Cohabitation of men and women: institutionalization in the context of traditional values. *Gosudarstvo i pravo* =State and Law, no. 12, pp. 104–112 (in Russ.)
15. Zapisnaya T.V., Zagadaeva S.N. (2019) Division of property after the actual termination of family relations. In: Russian state and law. History and modernity: collection of papers. V.V. Nizovtsev, N.M. Rebrova (eds.). Novocherkassk: Southern Russian State Polytechnic Platov University, pp. 121–125 (in Russ.)

Данные об авторе:

Е.А. Усачева — доцент, кандидат юридических наук.

Information about the author:

E.A. Usacheva — Associate Professor, Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 09.08.2022; принята к публикации 02.09.2022.

The article was submitted to the editorial office 07.12.2021; approved after reviewing 09.08.2022; accepted for publication 02.09.2022.